

СХИАРХИМАНДРИТ МАКАРИЙ БОЛОТОВ († 1930)

В Успенской станице Краснодарского края на праздник Рождества Пресвятой Богородицы года 1932 от Рождества по плоти Бога-Слова древний род князей Болотовых пополнился Виталием - малышом, предизбранным самой Пресвятой Богородицей для славного и равноангельного служения Сыну Своему.

Издревле славилась держава Российская славными родами дворянскими. Но не древностью прославлялась честь Фамилии, а верою и благочестием их отпрысков, верностью Православию и Государю. Едва ли не в первых был и батюшкин род - святители, молитвенники, монашествующие и множество мирских славных людей государевых, сверкали драгоценными жемчужинами их рода. С молитвенным благоговением и благодарностью за святое предстательство пред Престолом Господним вспоминал батюшка схиигуменю Софию (Болотову), первую настоятельницу Шамординой пустыни, - её папа и батюшкин прадед,

Михаил Павлович и Петр Павлович Болотовы, были родными братьями.

По окончанию Университета, Петр Павлович Государем Александром I, в 25-летнем возрасте был послан на только что обживаемую тогда Кубань. Прадедушка, и супруга его - Павлина Ивановна [в девичестве - Нарышкина] волю Государя восприняли как послушание от десницы Господней, (Пс. 111) - паче постов и церковных праздников ценилось святое послушание.

Первое время жили они в палатках, в палатках и службы церковные правилась - неопустительно и по чину. А со временем, рядом с построенными первыми домами, ими же был построен и храм - трехпрядельный: в честь Покрова Царицы Небесной, в честь и славу святого Пророка Илии и святого благоверного Князя Александра Невского.

Понятное дело, что как и всяким чадам, расставаться со своими родителями, покидать их - им было трудно, но ослушаться царева послушания они не смогли, предпочитая его выше личных чувств и интересов.

Немногие из паломников нашей славной Киево-Печерской Лавры знают, что почивающий у входа в Ближние Пещеры схииархиепископ Антоний (Абашидзе), ныне прославленный в лице святых, еще один славный предок батюшкиного рода. Евфимий Павлович - брат Петра Павловича, уехав в Иверию - Грузию, женился на дочери грузинского князя Антона Давидовича Абашидзе - Нине, зарегистрировавшись на их фамилию.

Знатный, любвеобильный был дедушка о. Макария. И поныне княжеский дом Абашидзе покажут вам старые тбилисцы, и с добротой вспомнят милосердных и справедливых князей-хозяев.

Из батюшкиного рода не только владыка Антоний - владыка Иоасаф (Болотов), просветитель Аляски, причисленный Зарубежной Церковью к лику святых в чине священномученика, Валаамского монастыря монах; в будущность его архимандритом, вместе с преподобным Германом Аляскинским он был послан Святейшим Синодом с миссией на Аляску, где и скончал свою жизнь в сане епископа на пароходе во время шторма.

Известный оптинский иконописец игумен Даниил Болотов - родной брат м. Софии. Именно его кисти принадлежит написанная по благословию преподобного о. Амвросия Оптинского известная икона "Спорительница хлебов."

Строительница женского Горненского монастыря в Иерусалиме, основанного начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином

(Капустиным) - схимонахиня Павла из известного рода князей Голицыных, - она была бабушкой батюшкиного папы, т.е. прабабушка о. Макарию. В миру её именовали Павлина Ивановна Голицына. Мама её в девичестве была Нарышкина. Нарышкина Ксения Ивановна. Из рода Нарышкиных была и батюшкина мама - Нарышкина Вера Васильевна.

Будучи с мужем, двоюродным братом матушки Софии, людьми горячей христианской веры и, тяготея к монашеству, Павлина Ивановна не раз говорила ему: "Давай оба в монастырь уйдем - я в Иерусалим, а ты на Афон?", однако супруг рассудил иначе: "Нет. Иди-ка в монастырь ты (стоит заметить, что о. Антонин неоднократно предлагал ей приложить свои труды к основанию в Горней монастыря), а я останусь пока растить детей.

Блажен человек, коему, как и премудрому Соломону открывает Господь, что мир, и вся яже в мире - суета сует, и тление, и прах: в 1888 г., 38-ми лет от роду, с согласия супруга Павлина Ивановна оставляет четырех сыновей, дочку [Которой к тому времени исполнилось только два годочка], суетный сей и непостоянный мир и уезжает в Иерусалим в только основывавшуюся тогда Горненскую обитель. Кроме своих рук и знаний она взяла довольно значительную часть своего состояния, чтобы по реченному слову Господню, яко премудрая раба на пять дарованных Им талантов приобрести ещё пять.

На то время была там лишь общинка, основанная начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином (Капустиным). И весьма желал он видеть Павлину Ивановну среди сестёр (а паче же - и во главе их) новообразуемой общины, зная о её образовании, трудолюбии, порядочности, вере, да и внутреннем благорасположении к монашеству, но ко времени своего приезда, в живых она его уж не застала - телом пребывая в своем детище - храме Вознесения Господня на Елеонской Горе, духом архимандрит Антонин вот уж как 9 лет пребывал в молитвенном предстоянии Судии и Подателю всех за свою Горненскую обитель.

И Господь сподобил батюшкину прабабушку монашеского чина. Первый постриг в сей Богоспасаемой обители совершал Святейший Патриарх Герасим - в храме при Гробе Господнем Павлина Ивановна была пострижена в мантию с наречением имени Павла. Однако, не смотря на все свои труды и заботы по строительству обители, на утешение к Вечной Славе отходила Старшая Духовная Сестра схимонахиня Павла - ни настоятельства, ни игуменства считала она себя не достойной.

Рассказывая нам о ней, батюшка часто останавливал внимание, в особенности семейных, и в первую очередь женщин на сопутствовавшую началу её жизненного подвига семейную жизнь:

- Посмотрите - замужество ей не помешало. Почему? - потому, что во-первых: было семейное воспитание, а во-вторых - Господь приемлет ко спасению всякого человека и во всяком звании и семейная жизнь и брачное непорочное ложе никак препятствием к сему служить не могут.

А в 1913 г. м. Павлина приехала на побывку из Иерусалима на родину. Позднее её дочь - Полина, об этом событии вспоминала с тихой христианской радостью: "Я мамочку в жизни один раз видела, но я об этом не скорблю, - я радуюсь о ней, радуюсь о том, что она молится за весь род наш и за весь мир. Я свою мамочку как бы пожертвовала Господу на молитву."

И как, воистину, сильна была матушка молитвою. Полина, на то время будучи замужем за князем Василием Бриллиантовым-Болотовым [Весьма интересна история двойной фамилии князя Бриллиантова-Болотова. Он очень высокого роста был, рассказывал о. Макарий, весьма опрятен, строен, одним словом - князь русский! И государь-император Александр Второй, назвал его Бриллиантовым - за образование, за обхождение, за чистоту нрава и за поведение: в родовитых семьях всё отточено было: и внутри и снаружи - там и пальчики отточены были, и лицо отточено. Не то, что иной раз: роста с наперсток, а нога, - 45-ый], имела уж сына - батюшкиного папу, 2-месячного Николая; матушка Павла склонившись над ним и, взглядываясь в спящее лицо младенца, предрекла открытую ей Господом дальнейшую судьбу их рода: "Будешь ты, Колюшка, в свое время сироткой, в своё время будешь взрослый, женишься, у тебя будет супруга и четверо деток, а

СХИАРХИМАНДРИТ МАКАРИЙ БОЛОТОВ

детки и супруга твоя будут в чине монашеском, я умолила Господа, что б они были в чине монашеском".

Её слова были пророчеством от Господа. Николай Георгиевич вырос, женился, а тут революция. Отца его в 26-ом году приговаривают к расстрелу [А ведь, будучи предводителем земского дворянства, батюшкин дед Георгий сколько храмов строил, скольким храмам и людям жертвовал и помогал от своего Боголюбия!], мама же, не перенеся такой утраты, умирает от разрыва сердца, брат после похорон мамы тоже умирает от разрыва сердца; сам папа лишается вскоре и последнего крова - всё пожгли, все погорело; и вот он круглый сирота. Из такого знатного, богатого рода, и вдруг с сестричкой своей 10-летней Танечкой сделались нищими: ходили по селу, побирались, кусочек хлеба просил, как и Псалмопевец глаголет: "Всё тленное ничто, приобрети, душа, нетленное, которое не сгорает, и моль не точит, и вор не украдет."

От Господа стопы человеку исправляются. Святым благословением Небесным папа предан был в руки добрых людей; 13-летнего круглого сироту воспитали, женили.

Вера Ивановна Нарышкина по-первах и замуж-то выходить не хотела - она в монастырь хотела идти, да время было такое - тридцатые годы, какой-то тебе монастырь, тут бы хоть сама жива осталась бы! И, против своего желания, но, за послушание родителям, вышла замуж. То ли семья, то ли скорби, то ли лишение, но воспитали Николай Георгиевича, благодарность Богу - и муж, и отец был хороший такой он был, что лишнего слова не скажет, никого не раздражит, никого не укорит, не обругает.

Скорби того времени не обошли стороной и мамину семью. Мамин дедушка Василий Илларионович до революции был земским воеводой, славен на всю округу, на весь уезд был! Но вот новая власть, новые порядки - в 32-ом году, 80-летний старец занемог, местный батюшка причастить пришел его, да и далее по христианскому обычаю умер человек, в церковь отнести бы его... Да власти сказали "Нет!"

Запретили и в церковь нести его, запретили и на кладбище хоронить. Хоронить повелели в туалете, да не в переносном смысле - буквального исполнения требовали!

Оставшийся мамин дядя Владимир, ночью (потому - что днем и не разрешали) схоронил его прах возле погреба. Дежурившая при этом "контрреволюционном акте" милиция запретила и в гробу хоронить, казали: "Ничего уже ему не надо, закапывайте, да побыстрее." Под несколькими сбитыми хлевными досками, ночью, на огороде у погреба был похоронен человек всю жизнь верой и правдой прослуживший Господу, Государю и державе Российской. Такого славного, богатого, знатного человека, и вдруг так...

Пострадала и мамина мать, мамин дедушка по матери пострадал, кто в ссылке помер, кого отравили, кого застрелили, кого умили, а кого и сослали, и так со всеми расправились.

В такой вот семье и рождается младенец. Его бы Иоакимом назвать, однако, крестивший его на праздник Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста Господня священник о. Феодосий, еще не зная о пророчестве м. Павлы, но будучи (за свою непорочную пред Господом жизнь), просвещен Духом Святым, надевая ему на ручку четки, матери сказал: "Имя даю младенцу сему не в честь мученика Виталия, но в честь преподобного Виталия: от Господа повелено быть ему монахом. Пойдешь против воли Божией - наказана будешь сильно!".

Однако, не страх наказания, а опасение обидеть возлюбленного Господа не допускало и мысли о богопротивлении.

От знатности предков и величия жемчуга великих Российских Фамилий в ветвях своего фамильного древа "головокружения" у батюшки не было, и, как-то в разговоре с одним своим духовным чадом, о. Макарий, на его предложение составить генеалогическое древо, заметил, что для него гораздо важнее родство не плотское, а духовное. И, действительно, мы - видевшие и знавшие батюшку, помним, что о. Макарий, рассказывая о своем детстве, отрочестве, и последующих годах, в первую очередь рассказывал о своих

старцах, старицах и отцах подвижнической жизни, которые вели его по скорбному, но небожественному пути [Батюшка рассказывал, как однажды, на его просьбу помолится о его спасении, о. Андроник (Лукаш) сказал: "Я о Макарке молился, чтобы он от скорбей и от болезней не поднялся!" - "Что ты, отец, - замахал руками о. Серафим, - да что ж так-то?" "А так, - отвечал ему о. Андроник - другого пути к Господу не бывает"]. Вспоминая и сейчас об этом и, желая подражать в добром, и сейчас, и в дальнейшем, при всякой возможности, и мы не станем обходить этих святых и духоносных отцов.

Духовный род о. Макария по мантийному постригу восходит к преподобному Серафиму Саровскому. У преподобного батюшки Серафима был духовный сын, ныне прославленный в чине святых и известный всему Православному Киеву основатель Свято-Троицкого, названного по его имени Ионинским, монастыря - о. Иона (Мирошниченко +1902г.). В свою же очередь, у архимандрита Ионы (в схиме - Петра) был духовный сын, впоследствии окончивший свою жизнь в Свято-Успенской Почаевской Лавре - схиархимандрит Прохор (Дубровский +1977г.). Отец Прохор и постригал батюшку в мантию.

А по схимническому постригу родословная о. Макария восходит к Глинским старцам, и от них к преподобному Паисию Величковскому, чей постриг, в свою очередь, восходит к Святой Горе Афон. Преподобным Паисием был пострижен схиархимандрит Иоанн; схиархимандритом Иоанном был пострижен о. Филарет [Какой великой жизни был о. Филарет! - в момент кончины прп. Серафима Саровского, идя с заутрени, он увидел возносящуюся душу о. Серафима! Заметьте только: какой чистой жизни были монахи - они души видели возносящиеся!] (Данилевский +1841г.); о. Филарет постригал будущего основателя Алтайской духовной миссии архимандрита Макария (Глухарева +1847г.); о. Макарий - схиигумена Николая (Хондарева), он-то и воспринимал будущего вл. Зиновия (+1985г. в схиме Серафима) - митрополита Тетрицкаройского. А уже вл. Зиновий совершал батюшкин схимнический постриг, а восприемником был о. Андроник (Лукаш +1974г.).

Лукавый враг во все времена находил и продолжает находить среди людей верных своих помощников и последователей - не только волкообразных богоборцев, каковых во все времена хватало, менявших лишь имена - от Каина и до маратов, толстых да лениных, но и простых обыденных колдунов, гадателей, магов, и прочих им подобных. Для таких как они, такие как о. Макарий действительно были бунтовщиками против их дел и власти; для них рождение таких, как о. Макарий действительно было на погибель [Местная чародейка, в каковых недостатков не было во все времена и всюду, встретила маму, когда та шла уже рожать: "Ой, ой, - запричитала ворожка, - ой, Верка, кого ты рожать идешь! Ой, на горе нам ты рожать идешь. Ты рожать идешь бунтовщика и смутьяна].

Вот уж более 7500 лет как существует этот, Творцом, Его Словом и Его Духом созданный наш мир. Тогда, в первые мгновения творения, Всемогущим Творцом для бытия и славословия были созданы безплотные и могущественные духи, во главе которых был поставлен верховным архангелом творение по имени Денница - Сын Утра.

Ныне ничто уже не ново под луной, а тогда это было ещё как ново: творение восстало на Всемогущего, даровавшего ему бытие, Творца: Денница захотел стать богом сам - "...на Небо взыду выше звезд Небесных поставлю престол мой сяду на горе (взыду выше облак буду подобен Вышнему)" - так восклицал обезумевший ангел, но в итоге был на веки низвергнут из Райских обителей, а для ограничения его безумной власти у него было отобрано Божественное знание будущего. Но среди нескольких, оставленных ему Богом качеств, осталась возможность мышления и анализа происходящих вокруг событий. Вот и в нашем случае сей падший ангел прорек через свою рабу, "просчитав" своим семитысячелетним умом поколения и род Болотовых, зная, уже вполне достоверно, чем обернется для него и его слуг рождение этого младенца.

Болезнь маленького Виталия была для его родных хоть и скорбной, но и удивительной: он мог говорить лишь "папа", "мама", но речь восстанавливалась полностью, когда приходил к нему о. Феодосий!

К сожалению, фамилия о. Феодосия не сохранилась, но из рассказов самого о. **СХИАРХИМАНДРИТ МАКАРИЙ БОЛОТОВ**

Макария мы слышали, что в 1938 году он пошел путем исповедничества и мученичества: в возрасте около 70-ти лет он был арестован, и более шести лет провел в лагерях и тюрьмах. А потом он, до самой смерти в 1990 году, (когда ему было уже около 135-ти лет), прожил в затворе и молитве в горах Краснодарского края.

Ни одного дня не питался молоком будущий воин Христов. "Я был "искусственник"", - скромно говорил сам батюшка, не напоминая, что такую же удивительную способность имели многие великие святые, в том числе и киевский подвижник - Христа ради юродивый иеросхимонах Феофил Китаевский.

В 1932 году умерла мамина тетька, а в 33-м батюшкина тётюшка, от которых осталось соответственно 7 и 5 детей. И вот, батюшкин папа, спасая их от детдома, взял всех в свою семью; и это, не считая их собственных троих детей: Виталия, Раисы [В постриге Серафимы (+1982 г.)], и Надежды, а помещались они все на полу в одной комнате размером 25 кв. м. "У нас теперь как монастырь будет", - говорил батюшкин папа, а родившийся чуть раньше Виталий был первым "насельником" этого монастыря, разместившись на полу у печки.

К своим семи годам, заменив ушедшего на Финскую отца [Заменив, как оказалось, навсегда - не дожив год до Победы, папа "...положил за други своя" голову под Вильнюсом], Виталию пришлось взять на себя львиную долю всех забот по дому - хотя остальные дети и были старше его, но приготовить поест, пошить одежду, подоить корову, и прочие дела по хозяйству лежали на его плечах.

Живое чувство и осознание близприсутствующего мира духовного и упование его на Единого и Верного Подателя всех благ и Его святых угодников во всю жизнь не оставляло отца Макария. И в каких скорбях не испытывалась бы его вера, но всякое такое испытание заканчивалось во славу Божию и прославление его святых угодников.

...Сорок третий год. Со своего села семье Болотовых пришлось выехать - пожар в 42-ом году оставил детишек практически без ничего. Мать в больнице, у мамы тиф, коровку запрягли, на тачку все погрузили, маленькую трехгодичную сестру Раису посадили на тачку, а на саму тачку что еще положишь - ничего ведь после пожара не осталось - все погорело, иконки взяли, да и поехали. Поехали в станицу за сорок километров - та станица хоть ближе к городу была, а уж в городе можно было что-нибудь продать (молочка того же), а что-нибудь и купить можно было. Однажды в молитве Виталий просил Николая Чудотворца, чтобы он послал им немного денег одеться, обуться, поесть... Идет он вскорости на базар, и вот, чуть впереди него оборачивается к нему какой-то высокий дедушка и, указывая на землю, говорит: "Чадо, просимое возьми". Виталий ахнул: на земле лежали две новых запечатанных пачки с деньгами, а подняв голову, увидел, что того Дедушки и след простыл!

Но в первых утешителях и помощниках была Мамочка - Матерь Божия. Бывало вот нет ничего, а одним молоком такую-то ораву ртов разве насытишь? Три дня Виталий с сестренками молились с акафистом перед иконой Божией Матери "Скоропослушница": "Давайте будем молиться Матери Божией - я буду акафист читать, а вы поклоны ложите, просите Матерь Божию хлеба, хорошего хлебушка!" Вот молимся, молимся, молимся, молимся, плачем-плачем: "Матерь Божия, дай нам хлебушка беленького!" Мы кукурузного не хотим, мы беленького хлебушка хотим! А я им говорю: "Вы когда молитесь, вы говорите - чего хотите, а то ж будете говорить: "Дай нам хлеба!". А какого хлеба?" А Господь слышит, и Матерь Божия слышит, и будут посылать наше прошение, - что мы хотим - так и будет послано. А Раиса маленькая (ей к тому времени уж четыре годочка было) говорит: "Матерь Божия, пошли нам беленького хлебушка! На утро встаем - а на пороге на полотенце воот такой хлеб лежит. Большой, горячий, только что испечённый! Где печённый? Бог весть, а во дворе - снег. И ни следочка..."

*** **

Свою собственную монашескую дорогу Виталий начал осенью 1941 года, когда
СХИАРХИМАНДРИТ МАКАРИЙ БОЛОТОВ

приехал к своей двоюродной тётке в соседнюю станицу.

Не хочешь ли сходить к удивительной, чудной бабушке? - спросила она его, этой "чудной бабушкой" была матушка схиигумена Евгения. Встретила она их на пороге дома со словами: "Радость моя! Милый мой! Ну, наконец-то! А ведь сколько лет я тебя ждала".

Не только игумена, каковым саном её почтил в 1918 г. сам Святейший Патриарх Тихон, называя возлюбленной дочерью, но и, прежде всего, истинная богоугодная монахиня, молитвенница и исповедница была мать Евгения. Именно к ней, после о. Феодосия перешло духовное руководство над Виталием, и она же стала его первой старицей.

...В восьмидесятых годах XIX-го века старцу иеросхимонаху Рафаилу во время молитвы явилась Царица Небесная: "Иди к вдове Евдокии, и предай ей, что Я на её усадьбе хочу основать Себе обитель". Миссионерская мужская обитель Покрова Божией Матери вскоре была основана, и отец Феодосий был в ней первым игуменом. А рядом, опять-таки по повелению Царицы Небесной, была построена небольшая обитель в честь Казанской иконы Божией Матери, и в ней уже м. Евгения была настоятельницей. Около восьмидесяти сестер - портных, златошвей, башмачниц, иконописиц прилагали свои труды к обеспечению жизнедеятельности мужской обители, были слугами их, трудившихся на ниве просвещения и защиты Екатеринодарской губернии от еретиков, а после и обновленцев.

Об успехах и пользе деятельности обители, говорит и то, что для обновленцев и матушка Евгения, и её монастырь стали костью в горле. В тридцатых годах с их "лёгкой руки" матушку арестовали; и не нашлось предела утолить их сатанинскую злобу: привязанную к лошадям её таскали по всему городу.

Отец же Рафаил, постригая м. Евгению в монашество, и чувствуя свой скорый уход, вручил её о. Феодосию. А он был батюшкой очень строгой жизни, рассказывала матушка - однажды, по какой-то с виду благообразной причине, она пошла исповедоваться не к нему, а к другому старцу - о. Геронтию, дело-то все благое, исповедь, святое Причастие опять-таки, оправдывала она себя... Поисповедовалась, подходит уже и к чаше, а о. Феодосий из алтаря выглядывает: "Евгения, а я тебе причащаться запрещаю!" Три дня и три последующих ночи она коленями натирала пол у батюшкиной кельи: "Батюшка, прости! Царица Небесная, прости! Мать Божия, вложи на ум о. Феодосию, что бы он меня простил!" На третий день, испытав её раскаяние и терпение (простить-то простил, да виду не подает!) он подошел к ней: "Мать Евгения, ну какой же я отец, если я прощать чадо не буду? Я на твоё терпение смотрел: будешь ты скорбеть, или нет". Но уж испытав, сколько не приходило к нему матушек, скольких он не постригал, а всех поручал м. Евгении: "Мать Евгения! Меня заберут, а ты будешь жить. Ты им будешь и отец, и мать!"

На второй день после первого посещения матушки Евгении, на праздник Покрова Пресвятой Богородицы Виталий был одет в подрясник. Носить, конечно, он его не всегда носил - опасно было, да и из своих даже мама не знала, а вот причащался всегда с сумочкой: в ней лежал подрясник.

Родительская беспечность, а порой и простая педагогическая безграмотность в наши дни норма. Не в том смысле, что это нормально, а в том, что это стало правилом, куда пошли дети, зачем - либо без разбора пусть идут; либо без причины, от банального упоения своей властью, такие разборы учиняют, что ребенок потом от родительского ока и благие дела таить начинает. И нужно сказать, что частые походы к м. Евгении, - в соседнюю станицу за 20 километров [Даже сама по себе дорога в таких "походах" была не бесплодна - идя, батюшка прочитывал несколько акафистов, которые знал наизусть], заинтересовали материнское сердце:

- А что, сынок, вот ты к бабушке Евгении ходишь... Давай-ка я с тобой схожу, погляжу - какого она духа.

Придя к м. Евгении, она узнала - какого они Духа!

- Это, Вера, хорошо, что ты духа испытываешь, - были первые слова матушки Евгении, когда они вошли в её хибарку, - вы рода знатного, молитвенного; своими матушками, да старцами научены правильно в духовной жизни все проверки подвергать. Но ты утешься: Хоть и скорбная жизнь у тебя будет, но закончишь ты её монахиней, и остаток дней своих проведешь в славе. Не в мирской славе, а в духовной - так полюбишь молитву и Господа, что ты и во двор выходить не будешь!

Тогда этим словам раба Божия Вера и удивлялась и не верила - неужто давняя девичья мечта свершится? - а спустя сорок лет батюшка бывало, скажет ей, схиигуменнии Марии: "Матушка, лето уж заканчивается, может, хоть во двор выйдешь?" - "Нет, нет, не надо, мне и тут хорошо. Форточка открыта - воздух есть, хорошо мне с Господом и Царицей Небесной", - уж так она любила в молитве с Господом пребывать.

Образования у батюшки, не считая семинарии, можно сказать, не было никакого. В марте 42-го, когда батюшке было девять лет и он был учеником второго класса, из школы он был исключен, хотя, и поступил он в неё лишь уступая требованиям тети - дедушка, мамин отец, в свое время идти в школу никому не позволял: "Нечего Православным в безбожной школе делать!" И случилось так, что однажды приехал к ним в школу какой-то проверяющий, а директор школы, который жил от батюшки через один дом, возьми, да и пожалуется ему на Болотова: "Вот - ходит по школе, крестится, все молитвы свои читает..." И во время урока проверяющий зашел в класс.

- А ну, Болотов, иди в кабинет директора, мне с тобой поговорить надо.

- Поговорить? Это как же можно во время урока? Урок ведь, - осадил его Виталий.

А должно сказать, что в классе он был настолько самостоятельным и ответственным, что даже в отсутствие учительницы класс поручали ему.

Проверяющий сел за учительский стол, и тут его взгляд попал на висящий над дверью портрет Ленина. Движимый какими-то своими умозаключениями он начал спрашивать:

- Вот ты скажи мне: кто это, чей это портрет? Скажи, что это твой дедушка.

- Да как же я могу так сказать? Это же ложь. Моего дедушку в 27-ом году расстреляли - он был губернатор Екатеринодара.

- Ну, скажи, что это - твой друг. Он ведь друг всех детей.

- Нет, - твердо ответил исповедник - у меня друзья Николай Чудотворец да Георгий Победоносец. Я им всегда молюсь, они мне всегда помогают. Как же я могу сказать, что это мой друг?

- Скажи, что отец, - начал уже выходить из себя проверяющий.

- А отец мой на фронте. Кто же это? - с закипающей ненавистью шипел "воспитатель".

- Для меня он - никто, а для вас это... Это ваш бог, который в 24-ом году сдох!

От тюрьмы тогда спас батюшку лишь его возраст. А со школой он был вынужден расстаться в тот же день. "Деточка, не скорби, - утешала его в тот вечер мать Евгения, - не учение утешает человека, а Господь. Будешь молиться - будет тебе и академия! Не отходи от отцов своих духовных - это тебе наука из наук и академия из академий".

"А Вы скорбели?" - спрашивали мы уже теперь у батюшки. "Нет. Ни капельки не скорбел, радость у меня была. Я так из школы выходил, как из ада. Вышел, перекрестился, говорю: "Господи, Ты меня не оставишь! Весь мир не оставляешь, и меня не оставь". И мама меня не ругала, только и сказала, что: "Слава Богу, что ты из ада вышел!" А директор меня встречает на следующий день, да говорит: "Ну, дурачок, что же ты теперь делать будешь? Школы нет - документов нет, документов нет - нигде, никому ты не будешь нужен, ты теперь пропадешь и с голоду помрешь". А я достаю из кармана Псалтирьку, да говорю: "Ну и что же? А меня Псалтирька прокормит! Вот у тебя сын помрет, а чтобы за него помолится - меня позовут Псалтирьку читать".

Вскоре у директора школы умер сын, и читать по усопшему Псалтирь пришел звать Виталия директор...

А еще был у них такой Анатолий Семенович... Хотел он, было, с него крестик сорвать нательный. Казалось бы, ну что здесь такого? Мелочь вроде бы, а нет! Уж очень батюшка крестик любил.

- Я ему и говорю, - рассказывал позже о. Макарий, - Перед тем как крест сорвать, дозволю тебе слово сказать: в 46-ом году тебя суд возьмёт, и объявят тебя врагом народа, за то, что ты русских воинов будешь предавать гитлеровцам!

Дело происходило в 40-ом году, а спустя шесть лет он действительно был арестован, предан суду и полтора месяца тело повешенного предателя висело на обозрение всему Краснодару.

А в 1944 году батюшкину маму положили в больницу со сложной формой брюшного тифа, где между жизнью и смертью ей пришлось пролежать четыре года, и снова Виталий остался за хозяина в доме.

...От мамы (а та - от своей бабушки) Виталий принял правило: каждый вечер, перед отходом ко сну, обходить крестным ходом двор, дом, все домашние постройки, и каждую благословлять иконкой Матери Божией и святителя Николая. Так же стал поступать и оставшийся за старшего Виталик. И, обойдя, молился он просто: "Святитель, отче Николае! Я иду спать ложиться, а тебе поручаю наши коровки. Они наши кормилицы. А я как встану, тогда ты уже иди спать ложись. Я всё тебе поручаю".

Однажды утром, когда корову надо было подоить и выгонять в стадо, зайдя в сарай, он увидел что уже отвязанную корову за налыгач держит какой-то дядька, но с места тронуться не может.

- Ты чего начередил тут? - набросился он на Виталия, - Я стою, как вкопанный, не могу уйти с вашего двора! Я уж и сарай открыл, корову отвязал, собирался выходить, а тут старик вошел. Такой лысенький, высокий, чем-то, так-то вот перевязан, как одежда какая-то чудная. "Не выйдешь - говорит, с сарая. Я что скажу хозяину дома? Он мне поручил сохранять. Вот когда хозяин встанет, он с тобой будет расправляться". И происходит что-то странное: стану оборачиваться - стена валится на меня; выходить - с места не могу тронуться.

Виталий созвал соседей. Пришли соседи, да давай же ругать да стыдить: "Сколько сирот, а ты корову решился увести".

- Дак, я ж не две брал. Я только одну, да и ту не смог увести.

Заводит его Виталий в дом, а в красном углу иконочка святителя Николая висит. Мужик-то этот и показывает на нее: "Во - вот этот дед приходил". "Не дед это, - поучал его одиннадцатилетний мальчишка, - а святитель Николай. Придешь в следующий раз, голову тут оставишь.

И вор, хотевший увести у них кормилицу, сам потом всю войну помогал чем и как мог сиротам.

Где-то в году 45-ом, идя от матушки Евгении, Виталий попал во внезапно начавшуюся метель. За станицей Гетманская идти сквозь снег и ветер сил уже не было, а до дома еще - километров двенадцать. Легши на снег, скрутившись калачиком и закрывая рот и лицо от снега, Виталий понимал, что это его конец: ему хотелось спать, ему уже становилось тепло. Он просил у всех прощения, попрощался с родными и близкими, и, конечно же, с матушкой Евгенией.

...Очнулся Виталий от того, что на каменном пороге их дома его будила сестра. Придя через день к м. Евгении и, не успев еще ничего рассказать, Виталий вдруг услышал: "Деточка, вот мы часто говорим, что чудес не бывает. Разве это не чудо? Я ведь хоть и знала, что тебя ожидает, но благословила тебя идти ради славы Божией, ради того, чтобы уста твои восславили Господа и в Вере укрепления твоего".

На праздник Покрова Пресвятой Богородицы 1946 года, в станицу к м. Евгении, приехал погостить вл. Антоний (Романовский). И в день праздника Виталий был им тайно пострижен в иночество с именем Вифоний (в память мч. Вифония). Восприемницей его была м. Евгения. Уже тогда, утешая батюшкину маму, матушка Евгения её напутствовала:

"Мать Вера, если что по жизни тебе нужно будет - ты можешь у него спрашивать, он тебе скажет".

Время от времени, приезжая потом иногда в Ставрополь погостить к вл. Антонию, батюшка встречался со многими духовно-великими отцами и владыками тех времен, а однажды Промысел Божий свел его с небольшого рощка иеромонахом с белым крестиком - будущим Митрополитом Зиновием (Мажугой).

"Ну как, Виталий, будем родня? Но мы уж так: если соединяемся, то - до гроба и - после гроба. А коли так, то смотри: вот пройдет лет тридцать - и я у тебя дома побуду!" И действительно: неоднократно потом, маститый архиерей не только с радостью посещал особо любимого им батюшку, но и считал для себя такие поездки большим духовным утешением: "Глянь, чадо - какие ж мы счастливые: духовное родство превыше плотского, ведь верь, что нас теперь с тобой ничто не разлучит - ни настоящая жизнь, ни будущая [Но не только словами своими, сколько и самими делами укрепляли старцы батюшкину веру и упование: 30 апреля 1974 г. в Тбилиси, на 40-й день по кончине схиархимандрита Андроника (Лукаша) Святейшим и Блаженнейшим Католикосом-Патриархом всея Грузии Давидом-V игумен Власий был возведен в сан Архимандрита. (ЖМП № 8 от 1974 г. Архимандрит Иоанн (Маслов). Некролог на кончину схиархимандрита Андроника) Как не увидеть в этом подарок старца-восприемника, возымевшего дерзновение и жизнь вечную у Подателя всяческих?]" - и это одушевляло и укрепляло.

Немного забегаая вперед, хочется вспомнить один случай, произошедший спустя годы, перед постригом владыки Зиновия в схиму. Бывший послушник Глинской Пустыни митрополит Леонтий (Гудимов +1992г.), а тогда еще епископ, желал, чтобы схимнический постриг владыка принял от его руки, а вл. Зиновий ему и скажи: "Владыко, примите схиму от о. Власия, а потом будете постригать меня". Тогда владыка, видимо убоявшись схимнического креста, отказался. И в схиму владыку Зиновия и постригал, и восприемником был о. Макарий, но многочисленные жизнеописания Глинских насельников и постриженников об этом молчат...

Бог и Его святые и Его безплотные Небесные Силы с батюшкой и для батюшки с детства были живыми и реально предстоящими; во-первых - в силу молитв его предков, во-вторых - за молитвы его старцев и стариц, и, конечно же, в силу его собственной веры. Причем, помощниками, заступниками и ходатаями за него и его судьбу они представляли не только невидимым образом, но, случалось, и видимым.

В 1950 году Виталий заканчивает фельдшерские курсы и уже должен был идти в армию, но четыре года почему-то протянули, а вот в 1954 г. повестка пришла. Со всеми Виталий попрощался, - бабушки в церкви плачут, мама плачет, он и сам уж смирился да собрался, а матушка Евгения и "напутствует": "Сынок, доедешь ты до Армавира [В городе Армавире находился тогда сборочный пункт], да вернешься назад!". К вечеру приехал в Армавир на приемный пункт, ночь переночевал, к обеду уж и назначение знал - в Батуми на флот медбратом, - пять с половиной лет службы впереди, да вдруг подходит полковник [Говоря "Полковник", батюшка имел ввиду не звание его как офицера, а его чин - не раз он потом называл его Полководцем, но, впрочем, о продолжении этого происшествия см. ниже], из строя выйти приказывает...

- Что-нибудь случилось?

- Случилось. Вот оно что случилось: вот твои документы, и - едь домой.

- Почему? Как же - домой? Вы, значит мне не доверяете? Позорите? Я ведь и курсы фельдшерские заканчивал, и Родине тоже хочу послужить, а Вы...

- Сынок, ездай домой - Богом назначено так! А меня ты еще не раз добрым словом вспоминать будешь. Вот тебе документы, деньги и еды на дорогу, - ездай, мать утешай. А в своё время ты нам всем нужен еще будешь.

Однако, с посылаемыми такими чудесами, соответствующими мерками испытывалась и вера, и твердость стояния в ней. А подвиг веры и непреклонность исповедания в то время требовались каждодневно. Бывали и случаи, в которых решение нужно было принимать просто мгновенно: смерть и Бог или - предательство, жизнь в муках совести и смерть вечная.

...В 1950-ом году сосед, живший с ними через два дома и работавший в сельсовете, вызвал Виталия. Приказ был из "тех самых" органов: или письменное отречение, или расстрел.

- Отречься? От Бога? Да хоть топором голову руби - не дрогну! Вот здесь, на порог, - сам положу, не дрогну - руби.

Рубить не понадобилось. Руками уже держалась винтовка, и борец с "буржуазными пережитками" выстрелил. Пуля обожгла грудь, прожгла до дыры рубаху, но отрикошетив от нательного крестика самому стрелявшему отстрелила палец.

Еще один расстрел батюшка пережил через восемь лет, уже будучи в Почаеве. Вызов в Кременец. Опять расстрел. Дымился продырявленный подрясник, но на этот раз пулю "не пустило" маленькое мамино карманное Евангелие в кожаном переплётё. А через 3 дня стрелявший, начальник местного КГБ, был застрелен на охоте: он лежал за кустами и загорал; собаки, рыскавшие в поисках дичи, нарвавшись на него, загавкали. Охотники же подумали, что там зверь. Весы у Господа точны и не замедлит, бывает, суд; правда, не каждый этот суд рассмотрит - призыв ещё одной души на Суд Божий, был признан несчастным случаем. "Ну, что хотел, то и получил", - говорил позже со скорбью о. Макарий. И часто потом слышали мы от батюшки слова его старцев: "Смерть не страшит, страшат дела - не смерти надо бояться, а греха!"

Вообще, годы пребывания батюшки в Почаеве, можно было бы назвать одними из скорбных в его жизни. Хотя, с другой стороны, кто знает, - какая скорбь была для батюшки большей: скорбь и боль от издевательств и побоев "борцов" с религией; или скорбь от поношений и надруганий от своих же собратьев пред престолом; или скорбь от грехов, предательств и поношений от нас, его духовных чад.

По сути дела, в той или иной мере, требования властей на сотрудничество, или к отречению от Церкви, в те годы испытывали почти все священнослужители. Вызовы почаевских монахов в органы на допросы, избивание и наклонения к сотрудничеству тоже происходили не без ведома отца наместника, но как-то уж так, по-лагерному, было принято: ничего не говорили уходящему, ни о чем не спрашивали пришедшего. И воистину блаженны были устоявшие и не сломавшиеся. И до конца своей жизни, говоря о каком-либо священнике, или человеке, батюшка выделял, одним из главных качеств Веру. Грехи есть у каждого - у кого больше, у кого меньше, - к человеческим слабостям батюшка был снисходителен (хотя и мог довольно-таки резко выговорить, но и то больше для вида, для того, чтобы смирить, а смиряя, научить), но взаимоотношения человека к вере и верности к Матери-Церкви было для о. Макария основополагающим. Когда в 1994 г. батюшка духовными чадами был приглашен в Америку на прославление Зарубежной Церковью святителя Шанхайского и Сан-Францисского Иоанна (Максимовича), не без Своего промысла, Господь свел его с тогдашним предстоятелем РПЦ(З) митрополитом Виталием (Устиновым) [И по ныне, на смертном уже одре, ярим противником объединения наших Церквей]. В числе обычных, стоявших и молившихся в храме паломников, батюшка подошел к раздававшему в благословение иконки святителя Иоанна, вл. Виталию. "А Вы, отче, какой юрисдикции будете?", - спросил он о. Макария, удерживая свою руку. К тому времени, видимо, вл. Виталий уже был "проинформирован" о том, кто такой о. Макарий, и своим вопросом хотел либо унижить его, - "сергианца-экумениста", либо (о чем мечтали многие расколы и юрисдикции) заполучить эдакий бриллиант к своей шапке. Ответ был краток, прост и значительно весом: "Небесной. А Вам, владыко, - добавил в конце краткого разговора о. Макарий, - Вам с вашей юрисдикцией России не видеть. Вы не любите Россию".

Было для батюшки важным и ещё одно качество, но уже как для монаха - исполнение закона послушания. Где бы и в каком возрасте и сане батюшка ни был, он всегда искал подвижников и старцев, чтобы быть "под началом", "под благословением", чтобы не творить, отсекал всякие пути к творению своей воли, чтобы не учить, а учиться. "Сынок, я ищущий, - любил повторять батюшка слова Глинских старцев, мне таким надо

быть до смерти, я ведь недоразвитый человек!" - смиренно говорил он о себе. И, действительно, даже, за день до смерти, уступая просьбе врача и келейника, батюшка говорил: "Я знаю, что умираю, мне надо домой, в мою келью. Но раз вы говорите остаться в больнице, - я смирюсь. Я ведь должен быть послушником". Таков главный закон монаха - быть послушником до смерти. И, воистину он был им.

А каким он был, каким он на самом деле был, действительно, не знал никто, как и сам он не раз говорил: "Вот вы сколько со мной живете, а какой я есть - не знаете. И не узнаете какой я был..." Кто весть сердце человека? Воистину - только Дух, живущий в нем, Дух, с Которым, мы верим, он и ныне пребывает.

В 48-ом году довелось батюшке повидаться с великим подвижником нашего времени о. Лаврентием Черниговским, ныне прославленным в лике святых. Но когда батюшка захотел повидать о. Лаврентия ещё раз, незадолго до его кончины, то о. Прохор не благословил: "Нет, деточка, сейчас я тебе не благословляю. А поедешь ты к нему, когда он прославится". Такие слова услышать в конце сороковых годов, когда закрывались храмы, и предавались поруганию мощи древних святых, было по меньшей мере удивительно, но против благословения старца - не смей! Прошло время, и действительно: на празднествах, посвященных прославлению о. Лаврентия Черниговского Господь сподобил схиархимандрита Макария приложиться к его святым многоцелебным мощам.

Но вернемся в послевоенные годы. В 1948 г. 28 сентября, как раз в тот момент, когда служилось "погребение" [К тому времени из братии довоенной Глинской вернулись уже все, все, - кроме о. Андроника - возвращаясь с тюрьмы, он в дороге тяжело заболел, и вынужден был остановиться у одной рабы Божией (имя которой, к сожалению, не сохранилось), которая и выходила его. Отцы же Глинские, не зная его судьбы и думая, что он повторил судьбу многих мучеников и исповедников того времени, и душа его уже на Суде Божиим, не желая оставить его без христианского погребения, решили отслужить погребение заочно. Начали уж службу, а он как раз в этот момент входит и с удивлением слышит: "Упокой, господи, душу усопшего раба Твоего, иеромонаха Андроника"] по о. Андронику (Лукашу) батюшка впервые вошел в ворота славной Глинской Пустыни. А настоятелем Глинской был на то время о. Серафим (Амелин +1958г.). Определив батюшку в одну келью с еще одним послушником - будущим схиархимандритом Иоанном (Масловым), о. Серафим стал любовно называть Виталия Зернышкоком.

Но это позже, а первое время, не имея прописки, и опасаясь частых милицейских проверок, Глинским послушникам, и даже многим паломникам приходилось день проводить в трудах, а ночи на улице, под открытым небом, опасаясь то дождя и снега, а то и ареста за "бродяжничество".

Так и всходило Зернышко под сенью Глинских старцев, одновременно учась в Ставропольской семинарии. А вот по окончании семинарии, остаться в Глинской было не суждено - старцы, прозревая будущие годы возобновления яростных гонений на Церковь, повелели юным, неокрепшим послушникам и монахам переезжать в Почаев, думая, что столь славную обитель репрессии если и коснутся, то поверхностно.

В самой Глинской же был Миша-блаженный, так он монахов - "девками" обзывал:

- Девки! Живота просите у Царицы Небесной. А куды ж Она денется - Она поможет, Она подаст!

А батюшка по-первах думал: "Да что ж он нас девками-то обзывает? А как же он тогда скажет на монахов, которые до пострига протоиереями были, т.е. женатыми?" А Миша подходит к нему и говорит, заглядывая в глаза, да показывая на них:

- Дядя пошел. Дядя пошел.

А бывало так: если кого выписывают из монастыря, так он подходит к нему: "Девка, харахуры свои собирай, уматывайся отсюда! Хватит тебе тут жить", - глядишь - через месяц выписали. Уехал собрат.

Вот, и батюшкино время пришло, Миша и к нему подходит:

- Девка, уматывайся отсюда, вещи свои собирай, а то расстреляють!

- Нешто, Миша?

- А я тебе правду говорю: укатывайся побыстрей! Там тебе ждет в Воронеже

Серафимка [Схиигумен Митрофан (в мантии - Серафим) - о нем - далее], а у него золотая спинка, там ты обретишь себе покой.

Воистину так - надеясь в Почаеве обрести покой (старцы-то благословили уехать для сохранности), однако Господь, для славы праведных и крепких, судил по иному: многие монастыри (в том числе и Глинская) были закрыты, а на Почаев опустился мощный и всеокрушающий кулак сатанинской безбожной злобы.

В Почаевской Лавре, в 1958-ом году, инок Вифоний был пострижен наместником Лавры - архимандритом Севастианом [Впоследствии - известным Кировоградским архиереем] (Пилипчуком +1992г.) в мантию, с именем Власий, в честь мученика Власия и вскоре рукоположен в сан иеродиакона, а старцем-восприемником при этом постриге был схиархимандрит Прохор (Дубровский +1977). Батюшка рассказывал, что о. Полихроний (такое имя было у старца в мантийном постриге) к тому времени в своё духовное окормление уже никого не принимал, ссылаясь на свою старость и немощи, а батюшку, хоть и не сразу, а после долгих уговоров, но принял. "Я тогда как маслице к родному батюшке подлизался", - так впоследствии смиренно описывал о. Макарий волю Божию и испытание старца. Сам же, испытывавший его старец, имел на то силу и власть - от своего старца - преподобного Ионы Киевского и сам он был восприявшим "...благодать возблагодать".

Родившийся 8 июля 1887 года в Шпотине Старобельского уезда Харьковской губернии схиархимандрит Прохор [В миру - Прокопий Дубровский, сын Даниила и Вассы] из мирского образования имел только церковно-приходскую школу, которую и окончил 1899 г.

Ко времени призыва его в службу в Русскую Армию как выходца из крестьянского сословия, чудесный случай изменил его жизнь: пламенея душой к Богу и Церкви, Прокопий дал обет - если Царица Небесная благословит послужить не земному Царю, а Небесному, то да управит Она стопы его на Святой Афон.

По видимому, желание сердца его было угодно Господу, (так думалось ему) - и вот, перед самым отъездом, как истинный послушник, Прокопий идет за благословением к известному тогда всем богобоязненным рабам духовному сыну преподобного Серафима - о. Ионе Киевскому. Но богопослушная уста его изрекли воспрещение юному воину Небесному: "Не благословляю! - такие послушники мне и самому нужны, а на Афон - иные найдутся!" Так и остался, уже вскоре иеромонах Полихроний, в Ионинском Свято-Троицком монастыре. Уходил он из него последним, но и то не по своей воле, а ведомый большевистским конвоем, до последней минуты, до последней оставленной для него возможности исполняя свой священнический долг [Когда о. Полихрония пришли арестовывать, Литургия подходила к концу. Чтобы не оставить, во-первых, Святые Дары на поругание и, во-вторых, боледуя о находившихся верных в заключении, о. Полихроний вынес под рясой Тайны Христовы, причастив в камере всех, желавших сей Пищи вечной и Пития неистощимого].

- ...Сынок, Матерь Божия окажет тебе милость. Придет незнакомец, - говорил о. Прохор, когда батюшку вызывали в 1958 г. в военкомат для призыва в армию, - придет незнакомец... Он тебя хорошо знает. И ты его знаешь, но немножко подзабыл.

А должно сказать, что монахов тогда вызывали массово, и поводы были разные - у того паспорта нет (а не меняли паспорт специально), у того нет прописки (а прописку, как и в Глинской, не давали злонамеренно), тому - в армию, а некоторые, рассказывал батюшка, служили в армии по несколько раз: чтобы и таким образом опустошить монастырь для официальной причины закрытия Лавры.

"И вот в военкомате внезапно появляется Военный, - так рассказывал о. Макарий, - не сказать, что я забыл лицо, но я его как бы не узнаю, но красоты - ангелоподобной. Выводит меня из военкомата, проводит к своей машине, отдает все документы на руки, и говорит: "Более они тебя вызывать не будут. Это последний вызов. Живи спокойно, а меня вспоминай. Ты мой друг - и я твой друг, а ты меня подзабыл. Езжайте, вы должны будете послужить в числе другого Воинства", - это был тот самый Полковник, который четыре

года тому назад отправлял Виталия с Армавира!

С детства о. Макарий пронес сильную горящую любовь, на которую ему отвечали взаимностью, к двум святым: святителю Николаю, и Георгию Победоносцу - Воину, Полководцу - как его называл батюшка. Именно он и был тем самым Военным, который земную службу воинскую пременял ему на службу в армии Небесной.

Когда монах Власий приехал после этого в Лавру, о. Прохор встретил его словами: "Ну, вот, сынок, и милость с тобой!"

Кременец. Декабрь 1959 года. Новый вызов... На этот раз не в военкомат. В кабинетах местного НКВД торг уже шел "по-крупному": "Что, - хочешь - для тебя сделаем? Хочешь - наместником, хочешь - епархию выбирай - в считанные дни епископом будешь! Но... нам бы помощник нужен: кто чего говорит против власти Советской; кто чем, может, тайным занимается..."

- "Мне и от вас ничего не надо, и себе я ничего не хочу. Монахом быть хочу, простецом, и послужить хочу родной обители до конца своей земной жизни. А братию предавать... - я не для того сюда пришел!" К тому же, наученный своими старцами [Матушка Фенана, монахиня, уставщица Ставропольского монастыря, рассказывая маленькому Виталию о своем исповедническом 15-летнем пути на Соловках, говорила: "Ой, Виталик, как там хорошо, не можешь понять - я в монастыре так не молилась, как я там молилась. Иисусова молитва ручьем шла, такая радость была!". Пришло время и понял её Виталик, да и не просто понял, а познал опытно сладость страдания за Христа] о пользе и благостности стояния за Христа и Веру нашу, о. Власий тюремных мук не столько страшился, сколько и желал.

Выбор был сделан. Во дворе местного НКВД стоял, на подобие кузова от грузовика, металлический бассейн, глубиной более двух метров; в него поставлен был раздетый о. Макарий и, при 35-ти градусном морозе залит доверху водой. Около полутора суток провёл он в такой купели.

"Налили... Поставили меня, а вода - конец: околеть можно! На следующий день аж в обед ко мне подошли. И выйти никак нельзя - стрелять будут, да и купель ведь глубокая: держусь на одних руках, ногами до дна не достаю. Сначала холодно было. Я глаза закрыл, молюсь, чувствую меня за руки кто-то как щипает, - а то лёд обмерзать стал. Руки, шея - всё во льду, лёд шею душит, дышать невозможно, да и снизу всё замерзло - ногами во льду стоял! И так холодно мне было часов шесть - до полуночи. А потом мне сделалось - как будто я в бане: так стало мне жарко. О том что я могу остаться, и на следующий день оставался живым - им и в голову не приходило. Пришли они на вторые сутки после обеда. Топором лёд разбивали, где руки мои были. И помню, как сейчас - кожа на руках поранилась, когда меня вырубывали, да вытаскивали. А вот идти я потом уже не мог - устал полтора суток стоять, - волоком тащили меня..."

Однако, как ни сладок был путь исповедничества, как ни тверд был в своем стоянии уже не юный (по годам борьбы с древней злобой) монах, но старцы, благословением Царицы Небесной, вынуждены были отправить молодого иеродиакона из Почаева.

Еще в 1958 г. монах Власий встретил в Почаеве духовного сына о. Кукши - о. Митрофана, тогда еще игумена Серафима. Подойдя к о. Митрофану и попросив святых молитв он услышал в ответ: "Да у кого ж ты святых молитв просишь? Ну, ладно, Бог благословит тут пока пожить; диаконство примешь, а потом ко мне приедешь. Ты у меня будешь жить, в схиму меня пострижешь, а потом и похоронишь". Не соблазнило молодого послушника и то, что идя после литургии, он увидел этого чудного батюшку лежащим под столом при выходе из храма и пьяным голосом певшего песни - юродствовал.

Выдворенный-таки из Лавры, но более года не покидавший её стен, при этом не имея ни угла, ни крова, о. Власий под Рождество 1962-го едет в Воронеж под новый отеческий покров, о котором и предсказывали ему духовный сын о. Кукши Одесского да блаженненький Миша Глинский. И знал ли кто тогда, что вместе с наперсным крестом от умирающего схиигумена о. Макарий получит в наследство не только его приход в Бурдино, но и его духовных чад! [За мгновение до смерти, надевая свой священнический крест на о. Власия, о. Митрофан завещал ему и своих духовных чадах (а среди них одних только схимников было более 2000):

СХИАРХИМАНДРИТ МАКАРИЙ БОЛОТОВ

"Власий, я довел их до жертвенника, а ты доведи до Престола"]

А о самом о. Митрофане батюшка говорил так: "Сколько было старцев в моей жизни, все прославляли Царицу Небесную, но о. Митрофан какой-то особенный был!" Семь лет подвизался он в затворе, ежедневно служа литургии. И вот однажды, читая по обычаю перед Литургией акафист Пресвятой Богородице "Радуйся, Невесто Неневестная", он услышал сладкозвучный голос от Иверской иконы Пресвятой Богородицы: "Чадо, выходи из затвора в мир! Я всегда буду с тобой". От радостотворных слёз он уже не смог дочитывать акафист и, не дочитав, тут же начал служить Литургию.

Рождение его было в 1902 г. на праздник Воздвижения Животворящего Креста Господня. Еще стоя на литургии, во время Херувимской Песни его мама услышала голос (да и не только она, а и некоторые люди в храме, и священник в алтаре): "Рождается Никита, Серафим и Митрофан". Причастившись Святых Христовых Таин, она шла рожать с мыслью, что родится тройня. Родился, однако, один - раб Божий Никита, в мантии - Серафим, в схиме - Митрофан. Мать вскоре умерла, и воспитывался он потом отцом и мачехой. Случилось так, что мачеха стала невольной свидетельницей другого удивительного случая: маленький пятилетний Никита, одев на себя простынь, наподобие священнической фелони, и соорудив из какой-то баночки кадило, тут же кадил им перед кукурузой и подсолнухами в огороде: "Если вы - мои дети духовные - поклонитесь мне в ноги", - и кукуруза и подсолнухи, вопреки всем, Творцом установленным законам, растениям данным, нагибали к нему свои тугие стебли. Уже с десяти лет он стал подвизаться в Нило-Столобенском монастыре, пребывая там до самого его закрытия.

Уже на родине, в 1932 г., через полгода после рукоположения он был арестован на семь лет.

...Не обещал наш Господь Иисус Христос своим последователям легких и приятных путешествий по тропинкам жизни, напротив, - скорби и гонения были обещаны истинным и верным. Где бы ни приходилось быть о. Макарию, но обещанное Спасителем ждало и его:

"Вот когда нас "попросили" с монастыря и нам пришлось уйти, так думаешь радости нас встретили? Нет. Нас встретили скорби. А помнится, как старцы наши говорили нам: "Если скорбно будет, вспомните нашу жизнь, как мы жили, мы в ссылках были, мы исповедали Имя Христово, мы в тюрьмах были, а от Господа мы ни куда не ушли. Господь нас там утешал. Мы ведь тогда молодые были, что ж нам тогда - по сорок, по пятьдесят лет было, когда мы в тюрьмах были". А я тогда спрашивал их: "Батюшка, а вы там пост соблюдали?" - "Ух, милый, а как же, особый там пост был - понедельник ничего не ели, среду пятницу - тоже редко бывало что. Оно - молитвой когда напитана душа, душевный голод когда утолен, то тело уже так не чувствует и своего, телесного голода, оно уже пищи так не требует. У нас была прямо бодрость, радость, сладость, - так хорошо было."

Скорбным, но и радостным был и Воронеж.

...По приезду решил было батюшка ввести на приходе два клироса - на правом приходские певчие, а на левом монашествующие. У отца Митрофана благословились, но время было такое, что управляющими на приходах были не настоятели, а все больше ставленники уполномоченных от КГБ - старосты. Вот такая старостиха и закомандовала: не то, что второго клироса не будет, а и эксапсалмы иеродиакону Власию читать не позволила!

Обидно было батюшке до слез - в Лавре в первых стоял, а тут и в последние не годен. Но отец Митрофан утешал: "Родной мой, не скорби - это все временное. Ты вот не служишь, а пред Богом - как служишь. Ты не скорби, что страдаешь. Не скорби!" И тут же к вечеру, прикровенно предсказывая о. Макарию его будущие многолетние скитания без угла и крова, о. Митрофан выгонял свое чадо на улицу...

Ну не понимаем мы иной раз некоторых поступков и слов наших старцев, толкуя их по-своему; имея приземленный к сему миру ум, мы мыслим так и лишь о том, что удобно или выгодно нам, соблазняясь и недоумевая потом сами и соблазняя других. Отец Макарий не недоумевал, он воспринимал все происходящее так, как и должно воспринимать чадам Божиим - со смирением, терпением и благодушием.

Еще в 1941 году, одевая Виталию подрясник, м. Евгения напутствовала его: "А ты священнический сан принимай! Принимай, - он и тебе, и другим во спасение будет. Придет тяжелая година - ты и себя причастишь, и других утетишь". И вот в 1962-ом году, на день памяти святителя Тихона Задонского о. Власий был рукоположен в сан иеромонаха дивным архипастырем - владыкой Сергием (Петровым +1990г.), бывшим на то время епископом Воронежским и Липецким [Еще когда вл. Сергей служил иподиаконом в Краснодарском Крае у вл. Ермогена (Голубева +1978), старец протоиерей Феодор Харченко (послушник о. Феодосия) говорил батюшке: "Виталий, вон, смотри - Сергей будет архиерей, и он тебя рукоположит на память Святителя Тихона." Вот только где - не сказал]. И случилось так, что в конце 1962-го года вл. Сергей благословил батюшке, тогда уже иеромонаху Власию, съездить в отпуск в Ставропольский Край.

Приехал. А тут как раз владыка Михаил (Чуб +1985г.) в кафедральном соборе всенощную служит, - как тут мимо пройдешь? Стоит батюшка невдалеке от кафедры, а владыка возьми, да и подзови тихонько: "После службы подойдешь ко мне". Подойдя после службы к владыке Михаилу, о. Макарий вдруг получает неожиданный и непонятный подарок - яблоко; да к тому же и странные слова были ему сказаны владыкой Михаилом: "Вот, чадо - возьми этот плод, и донеси до Господа". Неожиданно заплакав, батюшка поклонился земно архипастырю и обратно возвращался в недоумении: "Ну, что мне с ним делать? Съесть? А, может, по приезду отдам-ка я его матушке Серафиме?" Блаженная Схимонахиня, действительно, враз батюшкин благой порыв осадила сразу: "Тебя на поездку кто благословлял? Владыка Сергей? Вот ему и отдай!"

Приходит о. Макарий к нему, рассказывает все, и отдает яблоко: "Возьмите, владыко святой - глядишь, а Вам оно как подарок к архиепископству будет!", а сам - бежать. И - действительно: вскоре владыку переводят на Минскую кафедру с возведением в сан архиепископа.

Скажу откровенно, дорогой читатель: иной раз, читая жизнеописания современных подвижников благочестия, ловлю вдруг себя на неприятном чувстве, что авторы как бы "выпячивают", делают как бы особые ударения на обыденных состояниях духоносных отцов и матушек - прозорливости, явлениях Богородицы и святых, преображениях тел, лиц икон, и т.д. Прошу понять меня правильно: говоря "обыденных", я имею в виду, что да, для нас они необычны и величественны, но сами они, истинные боголюбцы, никогда этому не придавали значения и даже, по возможности, скрывали и таили такие дары Благодати, может быть и понимая, что - да, величественны и необычны эти дары, но в то же время и обыденны. И в то же время, большинство почему-то обходят странным молчанием личное, и действительно полезное читателю отношение самих преподобных к этим явлениям; их поведение в эти действительно сладостные и многозначительные моменты их жизни: смирение, чему-то научение, вразумление, утешение; их в эти моменты переживания.

И это я не только о случае с вл. Сергием. Ведь нельзя обойти молчанием неоднократные случаи явления батюшке Пресвятой Богородицы, к Которой он питал самые теплые сыновние чувства; его вера, молитва и упования на Неё отражались даже в том, как он Её называл - Мамочка. Но о тех явлениях батюшка если и рассказывал, то лишь самым близким своим чадам, да и то: тайком, прикровенно, и никогда не говоря о ком идет речь, а всегда величая Её "Драгоценная Страница".

Почти 40 лет тому назад, в Мичуринске, 5 октября 1966 года, отошла ко Господу схимонахиня Серафима (в миру - Матрона Поликарповна Белоусова), - духовная дочь Оптинского старца иеросхимонаха Иосифа. Оправдавшееся на ней пророчество о. Анатолия (Потапова) ["Будучи в монастыре, перед разгоном, я и говорю: "Батюшка, на кого ж Вы нас оставите? Никого ж не осталось, монастырь закроют" - а он говорит: "Мотрюшка, не скорби - вся Оптина у тебя будет!" Но ведь это ж, милый мой, не просто так было - сидишь, да зеваешь, и - вся Оптина, весь Оптинский дух у тебя будет, нет. Она ведь днями трудилась, а ночами молилась - вот опыт старческий ей и передался. И опять же: она хоть и замужем была, и детки были, и муж был, но свершению подвига и достижению чистоты и праведности ничто препятствием не послужило. Если правильно, по-христиански вести образ брачной жизни, то для благодати помехой это не будет. Не помешало и ей. К тому же и муж у неё был очень хороший, - Кирилл Петрович, глубокой веры был. Вот скажите: какой бы муж так сказал: "Идит-ка молись, я

один дома буду"? Так никакой бы не согласился. А этот: "Матрюща, иди, иди пока огонек в сердце загорелся - старцы ведь нынче есть, а завтра - нету, иди, иди благодать получай, утешайся." Бывало, и письмо Кирилл Петрович в монастырь напишет: "Как там Матрюща?" - к старцам, а батюшка, отец Анатолий пишет: "Матрона Поликарповна находится в духовной лечебнице."] собрало под покров её Богомилостивительных молитв многих боголюбцев того времени.

Так вот, одно из многочисленных явлений Драгоценной Странницы произошло именно в келии у матушки Серафимы [Отношение же м. Серафимы к о. Макарию и его к ней, проявилось видимо хотя бы и в том, что в последние годы жизни причащал и исповедовал её именно о. Макарий, а при кончине своей (о которой она предсказывала за несколько лет), только ему одному и остаться позволила]. Един Бог Святой знает, какой Её видели отец Макарий и матушка Серафима, другие же, присутствовавшие при этом матушки, описывали это так.

"Вошла Она в простой крестьянской одежде: ветхая вся, запылённая... К матушке в келью зашла, скинула ботинки запыленные. И матушка Серафима кладет её на свою белую постель! Мы-то не знаем, не понимаем еще Кто Она. А матушка Её Странницей называет, да и нас стоящих подзывает: "Вот, - чада моя благослови". Она нас благословляет, а матушка Серафима Ей ноги укутывает, да в сад побежала - розу несет..."

Еще одно явление Драгоценной было в Задонске, где Господь сподобил служить батюшке. Произошло это на богослужении в соборе. Батюшка подал Ей свои четки, а в ответ услышал: "Когда Я их тебе верну на мытарствах, ты их не узнаешь - от твоих слез и скорбей они будут бриллиантовыми!"

Задонск, Ожога, Бурдино с 70-го по 79-го, - было временем и периодом становления его как самостоятельного настоятеля обители, как пастыря стада Христова и отца овцам Его.

В Бурдинский период, в годы особо яростных притеснений и гонений на Церковь, Господь собрал под крыло о. Власия более 40 монахинь. Во время, когда даже видные и знаменитые монастыри и храмы не позволялось ни красить, ни ремонтировать, ни (тем более) - реставрировать, церковь в Бурдино благоденствовала - в храме всегда было все отремонтировано, покрашено, вымыто; пело два клироса (и притом как!); чудные, с иголки, облачения (большая часть из которого были пошиты самим о. Власием, - такой приход и такой пастырь были истинным украшением и даром Божиим для епархии и её архиерея, а им к тому времени был епископ Воронежский Ювеналий (Тарасов). А уж в гости к такому хозяину и отцу с радостью ехали многие видные духовные светильники того времени.

Накормить приезжающих и трудившихся, шитьё одежды и облачений, практически немислимые в то время строительство, ремонт и роспись храма - вот лишь малый перечень трудов уже израненного и искалеченного богоборческими застенками батюшки, которые всю жизнь были его желанными и верными спутниками, а причиною этого пути длиною в жизнь и целью был Сам Спаситель, оставивший свою наивысочайшую и наиглавнейшую заповедь: ради Него и Имени Его чем и как только можно утешать людей [Таковым было и последнее, не задолго перед кончиной, благословение Игумену Варлааму, - благословляя его иконой "Не рыдай Мене Мати" о. Макарий напутствовал: "Утешай людей, - ругать их есть кому, а вот утешать некому - утешай!"]. И это было правилом ко всему.

Можно утешить едой? - накормить; можно порадовать одеждой? - пошить; унывающий? - ободрить; скорбящий? - утешить; и как вышнюю силу для исполнения этих трудов в 1964 г., в Тбилиси, на праздник Казанской иконы Пресвятой Богородицы о. Власий был пострижен в великую схиму с наречением имени Макарий - в честь святителя Митрофана (в схиме Макария), еп. Воронежского. Постриг совершал Митрополит Зиновий (Мажуга), а восприемником стал о. Андроник (Лукаш).

Конечно, свершить, то что совершалось в Бурдино, одними человеческими силами было невозможно - без молитвы всеу трудился бы зиждущий, а о дерзновении и силе молитв Бурдинской обители и благоволении Божиим ей и насельницам ея вспоминается случай, рассказанный батюшкой одному из своих чад.

Это равноангельное служение от людей было сокрыто

Расписывался иконостас. Дело, по тем временам, не то, что тяжелое, но даже и опасное - и властями непозволительное, и иконописцев попробуй, найди! Нашли. Начали. Да только в середине работ иконописцы возьми, да и заряди сумму на пять тысяч рублей больше, оговоренной первоначально. Не заплатите - и задаток уже уплаченный не отдадим (тоже внушительный!), да и храм расписывайте сами как знаете.

Батюшка пришел после разговора на кухню, и прямо там, вместе с матушками обратился в молитвах ко Пресвятой Богородице, прося не постыдить их просьб и упования, и помочь с решением этой беды.

На утро, после бессонной, в горестной молитве проведенной ночи, батюшка, зайдя на ту же самую кухню, увидел, что край клеёнки на столе то ли задрался, то ли топорщится. Приподняв её, он держал в руках пять тысяч рублей новенькими, как будто только что отпечатанными купюрами.

В 79-ом году для батюшки и для Бурдинской общины пришло время испытаний: в "органы" поступил сигнал, что приход в Бурдино, не просто приход, что под видом прихода там существует тайный женский монастырь. Нагрянули проверки и последовали санкции. Как "зачинщик" и настоятель, о. Макарий был лишен регистрации, архиереем, соответственно, был запрещен в священнослужении и почти год нищим и бездомным скитался по вокзалам и паркам. Бурдино он покидал так, как и пришел - поклонившись храму со словами славословия на устах, и ничего не унося, хотя то, что было вложено им в этот приход, и до сего дня утешает взоры молящихся.

Проявил решимость взять в свою епархию опального, однако же и ревностного служителя, Винницкий Архиепископ Агафангел (Саввин) [Родом из Бурдино]. Так испытания Божии сменяются Его милостью и славой: опальный иеромонах (к тому времени уже более шестнадцати лет подвизавшийся в подвиге великой схимы) на протяжении шести последующих лет продолжал служить Господу в Винницком кафедральном соборе, неся послушание епархиального духовника. И никто почти не знал, из окружавших в то время батюшку людей, что часто ночным поездом он ехал в Киев, отстаивал полунощницу в Покровском монастыре (а когда была, то и раннюю Литургию), и к обедне - опять в Виннице.

Летом 1986-го года батюшка был вынужден уехать из Украины - на фоне известных Чернобыльских событий последствия издевательств и побоев давали о себе знать, - необходимо было лечение. Но до конца своей жизни о. Макарий пронес самые теплые и добрые воспоминания о Киеве, Виннице, Почаеве, Глинской и других дивных и светлых местах земли Украинской, где сподобил его Господь Своей милостью нести святое монашеское послушание. И часто потом доводилось нам самим слышать его скорбные и с душевной болью говоренные слова о страшном и скорбном пути Украинской церкви.

Вспоминается в связи с этим рассказ батюшки, о том, как однажды в Москве он, по-видимому случайно, однако, мыслим, не без промысла Божия, встретился с бывшим митрополитом Филаретом, уже в то время, когда тот был в расколе. Батюшка шел по улице, а тот, проезжая мимо машиной, увидел о. Макария. На Филаретово приглашение подвезти (а он в свое время ценил о. Макария и, было, даже предлагал архиерейство), батюшка нехотя остановился и, глядя в одинокие, безнадежно пустые глаза бывшего Экзарха всея Украины произнес: "Нет, Михаил Антонович, Макарий - грешник, но не еретик, и мне с тобой части нет! Несчастный, зачем ты вообще на свет родился?!" А ведь матушка Евгения еще в далеком 1952-ом году говорила юному Виталию: "Ох, сынок, будет в девяностых годах такой архиерей в Киеве, что его выкинут, и даже поминать не будут!"

А как часто, в последние перед своей кончиной годы, со скорбью говорил батюшка про Украину, про грядущие события, переживаемые сейчас нами, про тяжелый, но необходимый нашей Церкви путь очищения, путь, как говорил батюшка "мытарств на земле".

Вскоре, после лечения, путь батюшки лежал возрождать Оптину Пустынь. А когда его спрашивали: куда он едет? - о. Макарий в простоте отвечал: "Пришло время являть

миру мощи старцев Оптиных." Многие в ответ крутили или головой, или пальцем у виска - в возрождение Оптиной не верил почти никто. К тому же со времен революционного разгрома Оптиной, точных сведений о том, где и кто из старцев похоронен - не было. А батюшка, от своих духовных отцов, был наследником схемы захоронений Оптиных Старцев и, думается теперь, что и не без особого старческого благословения приступал батюшка к этому подвигу.

Недалеко от Оптиной был куплен дом, полусгнивший, развалившийся и продававшийся за безценок, но в то же время воистину безценный - этот дом когда-то принадлежал настоятелю Преображенской церкви с. Нижние Прыски, и в нем, попеременно, по пути в Шамордино, любили останавливаться все Оптиные старцы, а в одну из своих паломнических поездок в нем останавливался и сам Государь-Мученик Николай.

Вот в этот-то домишко из Винницкого кафедрального собора и перебрался батюшка. А явившийся однажды батюшке преподобный Амвросий Оптиный повелел возродить выкопанный когда-то по его благословию колодец во дворе этого дома.

Страшное зрелище для верующего представляла собой тогда Оптина Пустынь - на её землях размещалось ПТУ, по могилам старцев ходили промазученные сапоги, а колеса "Кировцев" и "Т-40" разметали над ними пыль; Казанский собор был превращен в ангар для тракторов, а в алтарной, восточной его части были ворота для них; кинозал размещался во Введенском соборе; более-менее "по назначению" использовалась лишь трапезная - в ней расквартировывалась столовая и котельная.

Отец Макарий, и с ним еще два иеромонаха, найдя пустовавший домик, принялись туда все чаще ходить, служа там время от времени службы, - ведь под лежащий камень вода не течет: пока нет Богослужений - долго и тщетно можно ожидать что бесы покинут облюбованное ими святое место, бывшее ранее в величественном благолепии.

Вскоре, к удивлению многих, 17 ноября 1987 г. Патриархия получает указ правительства о передачи Оптиной Пустыни Церкви. И здесь опять проявилась еще одна черта схимника (а о том, что он, к тому времени, уж более 20-ти лет, как схимник - так никто и не догадывался!) - быть на виду не у людей, а у Бога.

За долгие годы службы Богу в Русской Православной Церкви, не знаем ли был о. Макарий в Патриархии, известно ли его имя было архипастырям? Скажем так: более 26 архиереев вышли из под его "крыла", причем многих из них батюшка вел за руку с детства, - приводя в семинарию, в прямом смысле слова возя потом авоськи с продуктами и книгами, окормляя советами и благословениями и в священстве, и уже на кафедре. Известны случаи, когда ему самому предлагали архиерейство, на что о. Макарий с улыбкой отвечал: "Куда мне! Я уж лучше буду маленькой фиалкой, чем большим лопухом".

Вот так это качество - быть незаметной благоухающей фиалкой, а не красующимся у всех на виду, но бесполезным лопухом, проявилось и в Оптиной: наместником был назначен о. Иосиф, а батюшка пожелал остаться "маленькой фиалкой", приносящей невидимый, но услаждающий Творца и утешающий людей благоуханный аромат.

Подражая своим преподобным отцам в ежедневно совершавшемся круге Богослужений и келейном правиле, за возрождающиеся Оптину и Шамордино приносился благоуханный Господу фимиам молитв - над Святыми вратами Оптиной, там, где теперь высится фигурка ангела. И, честно говоря, думается сейчас: а мог ли он приноситься кем-нибудь другим, как не прямым наследником матушки Софии и о. Даниила, подаривших всему своему роду благословения о. Амвросия?

Через год, 17 октября 1988 года батюшкины слова, к удивлению сомневающихся, стали получать своё жизненное подтверждение, - Святейший Патриарх Пимен благословил явить Православному миру мощи преподобного Амвросия Оптиного.

Но и тут не обошлось без "помощи" древнего врага, хотя и та, со временем, промыслительно была направлена к славе Господней. Ещё при жизни старца Амвросия двое блаженных предсказывали, что на его месте будет старец Иосиф. Слов этих не

понимали до тех пор, пока не наступили наши, описываемые теперь нами годы: о. Макарий настаивал, что на том месте, где монахи стали копать, лежат мощи старца Иосифа, а не Амвросия, что его могила в другом месте, но тогда победило упрямство, и под именем о. Амвросия миру были явлены мощи о. Иосифа. Когда же со временем разобрались, признав, как не горько, правоту о. Макария, и стали искать возможность исправить предпреподобным и верующими эту ошибку, то в 1998 г. решили открыть мощи и прочих старцев, чего первоначально делать не намеревались.

Но сбывались пророческие слова, сказанные батюшке блаженной памяти схимонахиней Серафимой (Белюсовой): "Если будет в Оптиной отец родной, то будешь там жить, а будет отчим - из окна Оптину будешь видеть, а в нее не войдешь - глазам будет близко, а ногам ходить - склизко!". За горькое и неудобоприятное лекарство обличений о. Макарий стал и в возрождающейся Оптиной неуютен, и к концу 1989 г. батюшка вынужден был покинуть Пустынь, уходя, уже не обинуясь, предсказывая своему келейнику, тогда ещё послушнику о. Василию (Рослякову) скорую мученическую кончину - до страшного пасхального убийства оставалось чуть более трех лет.

С тех пор духовные чада о. Макария ездили к нему не в Оптину, а в Нижние Прыски. Оптина, правда, забыта не была: гости, с дороги потрапезничав (а готовил и кормил приехавших он всегда сам), тут же получали обязательное благословение посетить Оптину, приложиться к мощам старцев, и окунуться в источнике, - чаще всего Пафнутия Боровского.

Прожитая жизнь всё в большем изобилии болезней напоминала о себе: пробитые гвоздями ноги, пробитый и перебитый во многих местах череп, вырванные волосы, выбитые рукояткой пистолета зубы, ломаные прикладом пальцы рук и сапогами ребра, выкрученные до разрывов сухожилий руки, одно лёгкое, несколько пережитых инсультов, гипертония, очень высокий сахарный диабет - вот далеко не полный список батюшкиных телесных скорбей, которые вскоре привели его к преждевременной кончине. Гораздо раньше 2000 г. многим из своих духовных чад батюшка начал говорить: "В мае я всех вас соберу на молитву, все ко мне в мае приедете".

Май 2001 года о. Макарий встречал в больнице. Незадолго перед праздником Вознесения батюшка все рвался в Прыски, по сути дела, упрашивая и уговаривая своего келейника о. Антония: "Отец Антоний, мне домой пора. Поехали отсюда. Мне пора уже. Вы ведь ничего не понимаете", но о. Антоний, о чем он впоследствии горько сожалел, уговаривал батюшку остаться и хорошо проверится перед дорогой - духовные чада предлагали батюшке поездку в Иерусалим. Отец же Макарий торопился в Иерусалим Горний: "Пропойте мне "Ныне отпускаеши...", - бывало еще раньше просил он своих матушек.

На праздник Вознесения Господня, причастившись у о. Владимира Ригина Святых Христовых Таин, уже зная свой скорый исход, батюшка потребовал, чтобы из Киева срочно был вызван игумен Варлаам (Гергель), а о. Антонию преподавались последние наставления: "Отец Антоний, ты ж смотри, - чтобы меня отец Варлаам и одевал, и отпевал!"; и до тех пор, пока игумен Варлаам не вошел в его палату, отец Макарий волновался и беспокоился: "Не успеет, а вдруг не успеет. Звоните о. Варлааму, звоните, а то не успеет!", но отец Варлаам уже вылетал из Киева.

Около шести часов вечера о. Варлаам сошел с трапа самолета в Москве, и - сразу в больницу. Отец Макарий, увидев входящего в палату своего преемника, приподнялся и, с облегчением вздохнув, улыбнулся: теперь можно было и умирать [Лечащий врач всё допытывался потом у о. Варлаама: "А кто Вы ему приходитеесь? Он так Вас ждал, он так волновался о Вашем приезде, Вы ему какой-то родственник?"]. Батюшке стало плохо. Еще сколько можно было, он крепко держал за руку о. Варлаама и, напоследок, еще раз крепко сжав руку своего преемника, отец Макарий его отпустил, уступая требованиям врачей об удалении посторонних из палаты. Подозвав о. Антония, он попросил надеть на него схиму и схимническую скуфейку.

Хотя батюшка и умирал в палате реанимации, однако утром, когда никакие анализы еще ничего не предвещали, он говорил своему лечащему врачу: "Доктор, Вы знаете, а я сегодня умирать буду. И я благодарю Бога за то, что Он сподобил меня Ему послужить, что я умираю в полной памяти и сознании. Я прошу у всех прощения, у всех Православных христиан. Что, может быть, своим житием кого и оскорблял, и осуждал, и порицал, а может в чем и соблазнил, - взором своим, слухом слышал непотребные слова - у всех прошу прощения. И прошу - когда окончится земная жизнь моя, прошу святых молитв. Чтобы вы воздохнули о моем убожестве. У всех прошу прощения и всех прощаю. Еще прошу: если когда услышите - меня не забывайте. Хоть с краешку, а меня помяните".

*** **

Но в этом месте слово и право рассказа мы передадим непосредственным участникам и очевидцам тех скорбных, но незабываемых дней.

Вспоминает Арсений Гарникович Оганесян:

"В г. Красногорске, в самом ближнем Подмоскowie, между Волоколамским и Рижским шоссе находится военный госпиталь им. Вишнеvского, где батюшка весной 2001 года провел более месяца. Здесь в небольшой, но отдельной палате он часто причащался Св. Христовых Таин, здесь же его навещали духовные чада. Конечно, ни состояние батюшки, ни режим госпиталя не позволяли ему принять всех желающих. Мне посчастливилось бывать у него дважды в день - утром перед работой и вечером. Лечащий врач батюшки, которого привозили к нему в Прыски, был заведующим отделением, что облегчало мне и жене Ирине возможность беспрепятственно проходить к нему в палату.

Батюшка болел тяжело, но его общение с людьми, радость видеть духовных чад не оставляли его до последней минуты. Это приводило врачей в изумление. Позже, уже в реанимации, пожилой, выдавший виды врач, позвал меня в ординаторскую и развернул на столе список батюшкиных болезней, сквозь которые без труда просматривался скорбный путь его жизни. К нескольким инсультам и двум инфарктам (третий был под сомнением) следовало прибавить то, что батюшка жил на одном легком, пережил онкологическое заболевание [Рак мозга] и многочисленные травмы и побои, полученные им в годы гонений на Церковь. Врач был удивлен не только тем, что с медицинской точки зрения с такими болезнями "не живут", но и тем обилием духовных сил и жизни, которые батюшка сохранял даже на смертном одре. Мучительные страдания не смогли преодолеть любви батюшки к Богу и людям, не замкнули его в себе: до самой последней минуты он оставался открытым ближним и Небу. "Понимаете, в принципе он не должен узнавать людей, говорить и делать, то, что он говорит и делает" - разводил руками врач и вопросительно смотрел на меня, видимо, ожидая объяснений. Что я мог ответить? "Батюшка - необычный человек" - все, что сумел я сказать, подавленный безрадостной картиной батюшкиных болячек, хотя, разумеется, знал о них и раньше. "Да, я это чувствую - он человек необыкновенный" - озадаченно ответил врач. Надо сказать, что в той или иной степени это сознавали многие из врачей и сестер госпиталя, относившихся к батюшке со вниманием и заботой. За что им сердечное спасибо.

Батюшка в свою очередь обращался с ними просто и ласково. Помню, за несколько часов до кончины, он покорно принимал усилия дежурного врача. Понимая их напрасность, не хотел отнимать у него награды за желание облегчить участь больного. Врач сильно нервничал и было трогательно видеть как уходящий батюшка, успокаивая его, тихим голосом расспрашивал откуда он родом (помнится из Звенигорода) и что-то о семье.

"На контакте" с врачами и сестрами был келейник о. Антоний, всегда внимательный к любой мелочи, если она относилась к батюшке, В середине мая казалось, что состояние батюшки стало стабильным, к тому же он очень хотел вернуться домой в свою келью в Прыски, Лечащий врач дал согласие. Я послал за ним машину, но вскоре водитель Роман,

тоже духовное чадо батюшки, позвонил и сообщил, что у батюшки обнаружили тяжелую форму сердечной недостаточности и категорически запретили какие-либо передвижения. Кардиологи определили диагноз - предынфарктное состояние. Это известие было как гром среди ясного неба - ведь лечили батюшку от последствий тяжелейших инсультов - теперь вот сдало сердце. Я помчался в больницу и к своему ужасу не застал никого в палате. Но вот появился очень расстроенный о. Антоний и сказал, что батюшку перевели в реанимацию. Длинными переходами из корпуса в корпус мы оказались в реанимационной палате, светлой и чистой с небольшой боковой комнаткой, где на раскладушке мог разместиться о. Антоний,

Пугающе мерцали цифры на мониторах. Батюшка встретил меня молчаливым и серьезным взглядом. Говорил что-то отец Антоний, но я не мог оторваться от устремленных на меня глаз. Сердце сжалось от предчувствия не столько при виде начиненной оборудованием палаты, сколько от этого долгого взгляда, которым батюшка будет так часто глядеть на нас в эти последние дни...

Здесь невольно придется сделать отступление. Мне доводилось слышать от нескольких духовных чад батюшки укору в адрес о. Антония - дескать надо было послушать батюшку и вести его в Прыски. Действительно, даже в реанимационной палате батюшка высказывал такое желание. Думаю, что никто из упрекавших не взял, бы на себя ответственность вести батюшку в таком состоянии более чем за 200 километров, И случись несчастье по дороге, что было более чем вероятно, эти же укорители говорили бы прямо обратное - надо было послушать врачей, а не везти такого больного батюшку по разбитой дороге из московского госпиталя, где были все условия для борьбы за его жизнь. Гак мог ли о. Антоний взять на себя такую ответственность перед собственной любовью к батюшке и перед его многочисленными чадами?

Оказавшись в палате реанимации, батюшка заторопился туда, где был его настоящий дом. "Домой, пора домой!" - говорил он. Тяжело было это слышать, но он настойчиво и уже требовательно сказал - "Вы не успеете, зовите отца Варлаама!". Мы, конечно, понимали, что это значит, хотя и не теряли надежду. Дозвонились до о. Варлаама в Киев не сразу, но когда дозвонились и сказали, что батюшка просит его срочно приехать, то он, не мешкая отправился в дорогу. И Слава Богу! Батюшка заметно терял силы. Мы с о. Антонием, и подъехавшая чуть позже жена Ирина невольно притихли в ожидании чего-то неминуемого. Батюшка и сам притих, его взгляд стал часто устремляться вверх как будто перед ним раскрывался уже нездешний мир и он с торжественным благоговением, без всякого беспокойства, разглядывал его. Казалось, он уже не чувствовал, как ноги схватывают судороги, и затрудняется дыхание. Его взгляд медленно возвращался от того, что он видел "там" на наши лица, мы же горестно застыли напротив, в его ногах, в каких-нибудь трех метрах. Затаив дыхание, мы ждали, когда батюшка, опять "спустится" к нам, как утопающие, хватаются за соломинку, и вместе не без трепета наблюдали начало его исхода.

О. Варлаам приехал, когда батюшку из отдельной палаты перевезли в большую реанимационную, где было еще больше всякой медицинской техники. Накануне я позвонил лечащему врачу, тот быстро явился сам, хотя день был выходной, и вызвал начальника реанимации. Составили консилиум. Мы же, тем временем, повели отца Варлаама к батюшке. Батюшка давно предназначил о. Варлаама к тому, чтобы он приготовил его к погребению. Батюшка очень ценил, что по духовной линии он и о. Варлаам были одного духовного корня, восходящего по преемству пострига к преподобному Серафиму. Увидев о. Варлаама батюшка всем своим видом и глазами изъясил радость и признательность. Вскоре врачи потребовали, чтобы мы покинули палату, скорее, похожую на зал, сказав при этом, что будут делать принудительную вентиляцию легких. Я не имел представления, что это такое, однако было слишком заметно, что батюшке все труднее становилось дышать, и о. Антоний дал согласие. Помню, мы не без удовлетворения отметили, что в палате был только батюшка, и все внимание врачей было приковано к нему. Уже вчетвером мы вернулись в "малую палату", где сиротливо стояла опустевшая кровать.

Я вышел в коридор, пока о. Варлаам и о. Антоний что-то оживленно обсуждали и натолкнулся на озабоченного лечащего врача, который хотя и был начальником больничного отделения, в котором лечили батюшку, в реанимации хозяином не был, "Надежды мало" - вздохнул он.

Убитый этим известием я вернулся, ничего не говоря ни отцам, ни жене - я все равно надеялся. Начали читать канон Божией Матери "Поемый во всяцей скорби душевней и обстоянии". Вдруг неожиданная и будто не своя мысль пронзила меня - сколько же мучиться батюшке, не пора ли отпустить его с миром из жизни, где он пил одни скорби. Помнится, я испугался этой простой мысли. Наверно, не будь мы свидетелями общения батюшки с горним миром, я бы так не подумал.

Чтение молитв продолжалось, стали слышны какие-то удары наподобие грома. В тот день прошла сильная майская гроза, и я подумал, что она вернулась. Только потом узнал, что это врачи пытались "завести" остановившееся батюшкино сердце электрошоком["Ай-я-яй, - говорил еще при жизни батюшка, - мне матушка Серафима (Белоусова) говаривала: "Ты, говорит, батёк, ток трижды пройдешь, а на четвертый не выдержишь" - а мне ж, матушка нельзя этот электрошок, а мне применяют! И рядышком никого из вас не будет чтоб им подсказать... применяют."]. Тогда же при этих непонятных звуках меня охватило сильное беспокойство, я вышел в коридор и направился к большой реанимационной. Дверь была закрыта, и я прижался возле неё, ловя доносившиеся звуки. Вдруг все стихло. Дверь открылась и уставшие, расстроенные врачи, избегая смотреть мне в глаза, вышли из палаты, кто-то обронил - "Мы сделали все возможное...". Я устремился к батюшке. Палата была пуста. Он лежал на койке, его голова была слегка повернута, как у раненной птички, выражение лица усталое, страдальческое, но очень ясное, и глаза, светлые с яркой голубизной - это притом, что у батюшки от природы темные глаза - как будто в них отразилось небо. Я подошел совсем близко и коснулся батюшкиной руки - она была мягкой и вся покрыта теплой росой. Постояв подле батюшки несколько минут, я ничего не говоря вернулся к отцам и Ирине - они продолжали молитву. Вскоре всех позвали к батюшке, кто-то уже положил его головку прямо, поправил постель, однако лицо его и глаза, остававшиеся открытыми, не изменили своего выражения. И я вспомнил, как батюшка говорил - "Это хорошо умереть с открытыми глазами". Но они были не просто открыты - они все еще устремлялись ввысь.

Кончина батюшки наступила поздно вечером, в одиннадцатом часу. Мне хотелось как можно скорее увезти его из больницы, и пришлось категорически заявить врачам, что мы не допустим вскрытия, которое они намеривались совершить вскоре по преставлении. Но меня ожидала еще одна нелегкая обязанность - сообщить печальную весть родной сестре батюшки Надежде Николаевне. Во все время болезни она тоже находилась в Москве и вскоре была уже в больнице. Помню, нужны были подписи на разных бумагах и все присутствующие ставили их, отказываясь от вскрытия, подтверждая, что претензий к врачам у нас нет."

*** **

Минаев Юрий:

"В те дни батюшка находился в очередной раз на лечении в госпитале в г. Красногорске под Москвой. Ему почему-то это лечебное заведение было больше по душе... может быть, из-за врача, с которым у него наладилось взаимопонимание. Он находился в отдельной палате и при нем был его келейник о. Антоний.

Несмотря на довольно жесткий режим военного госпиталя к нему "пробирались" очень многие чада и из самой Москвы, и издалека. Врачи, помню, были недовольны, но, понимая, что перед ними не просто больной, а человек "не от мира сего", смирялись и шли на определенные уступки. Московская часть чад батюшки старалась обеспечить его питанием, привозя из дома что-нибудь готовое. Но ел он крайне мало - скорее, чтобы не обижать приносящих и, при возможности, тут же передавал "дары" следующему посетителю. У него вообще была привычка, принимая что-нибудь от кого-то, тут же

выставлять на стол то, что приносили предыдущие. А твои гостинцы он как бы складывал в запас, но ровно до того момента, пока не приезжал кто-то следующий.

Но главное для него было поговорить и успокоить человека. На это он выкладывался весь без остатка, независимо от состояния здоровья и времени суток. Порой казалось, что он просто не спал, потому что если не было посетителей в его доме в Прысках (что само по себе редкость), то раздавались безконечные телефонные звонки из всех концов страны и мира. И каждый со своим нестроением, а то и бедой.

Но назад к тем печальным дням. Основную часть нагрузки по лечению и поддержанию батюшки, так сложилось, нес на себе Арсений, который и привел меня к о. Макарию на определенном этапе моей жизни. Так было и на этот раз - он каждый день ездил в госпиталь. Вроде бы все шло неплохо. Но в один день Арсений позвонил мне и сказал, что батюшке стало намного хуже, что он просил приехать о. Варлаама из Киева, и что он уже в Киев звонил, и что тот вылетает. Он попросил меня дать мою машину с шофером, чтобы встретить о. Варлаама в московском аэропорту.

Я понял: раз посылают за о. Варлаамом, то дело серьезное[о. Макарий не раз говорил, что тот будет провожать его "домой"]. Встречать поехал наш товарищ Андрей Давыденко. До сих пор рассказывает, что все так устроилось, что и самолет прилетел немного раньше и на машине "летели как на крыльях".

Успели, но успели только проститься и прочесть молитвы. И все врачебные усилия, к сожалению, не привели ни к чему. Были как в тумане. Арсений отправил меня за матушкой Надеждой - сестрой о. Макария, которая в те дни тоже находилась в Москве, в Выхино на квартире, и навещала оттуда батюшку. Позвонил, сказал; страшно было эти слова произносить - они там все зарыдали. Собрался и поехал. И, хотя это другой край Москвы, доехал быстро - дело уже было к ночи. Взял матушку Надежду и она всю дорогу убивалась, что уехала раньше и не была в тот момент рядом. Очень она переживала, как же ей жить без него дальше.

Когда мы приехали в госпиталь там шли переговоры с местным начальством о формальностях и о том, как бы побыстрее достать машину и перевезти батюшку к Арсению домой в Звенигород, а затем на следующий день в Прыски. О. Антоний, как мне показалось тогда, был самым собранным. Раздавал четкие указания: кому звонить, что делать. Он очень многому, судя по всему, научился от батюшки и в духовной жизни, и в мирской[и, похоже, даже знал от батюшки, что ему тоже скоро "уходить домой", - погиб он трагически буквально через несколько месяцев]. В тот момент он и Арсений были главными строителями и решали все проблемы.

Водители с машиной для перевозки вскоре нашлись и мы печальным караваном тронулись в путь в Звенигород. Водители настолько прониклись, что когда я попытался отблагодарить их сверх тарифа, запротестовали и отказались со словами "Грешно... не надо. Что мы, не видим, что ли, - какой человек". А ведь впервые видели.

Доехали за полночь, внесли батюшку в дом, помолились. Уговорились во сколько выезд на следующий день в Прыски. Народу уже было много, и мы с Андреем Давыденко поехали назад в Москву. Ехали в тишине ночью, каждый переживал по-своему. Разговора не получалось. Утром приехали назад в Звенигород, а там уже много машин около дома - люди узнали и приехали. Печальная весть о кончине о. Макария, как мне показалось, за одну ночь облетела все города и веси.

Батюшку выносили, молились, прощались, плакали - грустный кортеж уезжал в любимые батюшкины Прыски, где он столько людей принимал, где молился за всех нас в последние свои годы жизни.

Потом, на похоронах, когда люди старались прикоснуться хотя бы к одежде батюшки, или положить для освящения свои иконки на гроб, я понял, что не понимал, какое счастье послал мне Господь: ведь я несколько лет окормлялся у о. Макария, был рядом и он всегда принимал меня с любовью. А ведь грехов то много и было, и есть. Прости меня батюшка, если можно. Слава Богу за все.

*** **

Отец Макарий лежал с открытыми глазами["Я умру с открытыми глазами. И как хорошо было бы если б мне их не закрывали! Но уже не моя воля будет, и они закроют. Но я на похоронах за всеми подглядывать буду: меня отпевать будут, а я - то один глаз открою, посмотрю на всех, то - другой."], которые с детской счастливо-усталой улыбкой смотрели в даль, ведомую и видимую только ему одному. И до тех пор, пока врач не обинуясь сказал, что надо бы закрыть батюшке глаза, о том, что он смотрит уже из другого мира - не догадывался никто. Милующее и утешающее сердце схиархимандрита Макария остановилось. Он всех собирал на молитву.

Схиархимандрит Макарий и умирал, так же как и жил: в послушании, в мире с Богом, в мире со своей совестью и с желанием мира людям, с людьми, и людей с Творцом.

Какие-то мгновения по кончине бывшие там батюшкины близкие - Игумен Варлаам, Иеромонах Антоний, Арсений, и его супруга Ирина, еще стояли в недоумении, но постепенно приходило осознание того, что батюшки уже с нами нет.

Оставалась недочитанной молитва из канона на исход души, которую тут же и дочитал о. Варлаам, а сразу же после неё была отслужена и первая лития. Оставаться в палате реанимации было дольше нельзя и батюшку перевезли в его палату, где и стали собираться в дорогу. Уже за полночь была вызвана машина "Скорой помощи", на которой мы все и уехали к Арсению домой.

После отслуженной сразу по приезде литии мы облачили батюшку в чистые одежды, и стали служить первую панихиду. Вообще, нужно отметить, панихиды и литии во все последние дни и часы пребывания батюшки с нами служились практически непрерывно - и нами с о. Антонием, и потом, уже в Прысках, приезжавшим духовенством.

После панихиды, не смотря на позднюю ночь, с горестной вестью мы стали обзванивать батюшкиных духовных. Прося святых молитв об упокоении новопреставленного, звонили в Америку протоиерею Виктору Потапову, звонили в Иерусалим в Горнюю и Миссию, звонили на Святую Гору Афон, в знавший его Свято-Пантелеимонов монастырь, в Киев и Винницу, Липецк, Краснодар и Воронеж и, конечно же, в первую очередь москвичам. С этого времени и до самого нашего отъезда уже перед полуднем в Прыски непрерываемо был поток знавших, почитавших и любивших о. Макария людей; кого только не довелось увидеть среди духовных чад батюшки.

Под раннее утро, пришедшим о. Владимиром Ригином была отслужена еще одна панихида.

Отсчитывавшие с момента кончины время стрелки часов, приближались к полудню, когда наша машина въехала во двор батюшкиного дома. Вскормленные батюшкиным руководством и осиротевшие в одно мгновение матушки под смешанные крики, плачь и пение "Святой Боже..." встретили у ворот и провожали батюшкино тело до его келии, где мы с о. Антонием вскоре его облачили в заранее самим батюшкой приготовленное погребальное облачение [Даже здесь проявилась любовь о. Макария к Божией Матери - в сложенном на погребение облачении епитрахиль и поручи были приуготовлены им голубого, богородичного цвета: он с верою и надеждою в неложность обетований Пресвятой Владычицы собирался на обещанную ему встречу]. И что обратило на себя внимание тогда и вспоминается теперь, так это то, что когда одевали - тело было не то, что мягким и теплым, но даже слегка с испариной, - как у живого, но лежащего без сознания человека; и запах - запах младенца, чистенького, вымытого младенца...

Не один десяток лет приезжавшие к о. Макарию могли видеть стоявший в келии у окон кипарисовый гроб [Подаренный ему в своё время владыкой Митрополитом Зиновием (Мажугой)] - вот, наконец, и пришло время его применения.

Весть о кончине духовного отца облетала города и веси не только Руси но и зарубежье. Съезжались батюшкины чада, писали и звонили не могшие приехать; вновь приезжающими, практически непрерывно, служились панихиды и читалась матушками

Псалтирь, а в соседней, батюшкиной келии читалось Евангелие.

Дедушка, - как называли мы его при жизни, при всей его любвеобильности бывал и жёсток, бывал непримирим к грехам и строг к тем, кто им служил, но обижались на него редкие, да и те не от большого ума - батюшкины обличения хоть и болезненны были, но тут же, как раны пластырем, покрывались любовью и состраданием. Понимавших это и со смирением принимавших сие спасительное врачевание было большинство, и в день погребения мы видели, и свидетельствуем, и истинно есть свидетельство сие: только в день погребения через поминальные столы прошло более сотни духовенства, а число мирян и монашествующих приближалось к тысяче [Говоря о количестве почтивших батюшкину память, мы имеем в виду не само погребение, а вообще число приезжавших хоть бы и на несколько минут - не многие имели возможность оставить свои, каждому важные, заботы и приехать на день-два, да еще день-два отдать на дорогу], вот только, правда, ни одного архиерея из более чем двадцати, которых батюшка "вывел в люди"...

...Похоронили его так, как он и завещал: под простым, без надписи, крестом; между мамой - схиигуменьей Марией и схиигуменьей Серафимой на кладбище в Нижних Прысках. А вскоре исполнилось одно из последних батюшкиных пророчеств: "Я через полгода (речь шла о батюшкиной кончине) с собой ещё двух монахов возьму - пусть у Престола Божия предстатели будут о монашествующих и обители Богоспасаемой!", - через полгода, 10-го декабря, на праздник иконы Божией Матери "Знамение" в автомобильной катастрофе погибли келейник батюшки - о. Антоний и одна из преданнейших его духовных дочерей - монахиня Николая.

Еще при жизни, служа однажды панихиду на могилке своей мамы, Схиигуменнии Марии, о. Макарий просил присутствующих: "А вы мне цветы на могилку не несите. Завещаю: ни одного цветка на могилу не нести! А то - принесут, накинут цветов..." Понимая о чем шла речь, присутствующая там Игуменния Феодосия (Сорока) стала просить:

- Батюшка, ну благословите мы Вам хоть один кустик на могилке посадим. Хоть один кустик цветочков.

- Ишь, чего захотела! Вот как сама умрешь, тогда и заповедуй чтоб тебе цветы сажали, да кидали. А мне не надо - как дам ногой - все цветы поломаю! Вот свечечки лучше приносите, - всем утешение буду подавать. Когда будут ходить ко мне на могилку и с верою чего просить - все буду давать.

...На четырнадцатый день, забыв в суете и горечи о батюшкиных словах, вечером о. Антоний с матушками выложили на могилке крест из красных гвоздик - на следующий день ожидалась еще приезжающие.

Придя утром к могиле служить панихиду они вспомнили батюшкино завещание: ни одного цветка на могилке не было. Поломанными их нашли аж за кладбищенской оградой. Со слезами покаяния и с просьбами о прощении служилась в тот день панихида.

Мы верим, что имеет дерзновение схиархимандрит Макарий, пребывая у Престола Всевышнего, ходатайствовать о нас и не оставлять нас своей помощью, а вы, приснопоминаемые о. Антоний и м. Николая, молитесь о нас в невечернем дне Царствия Христова!

Зная о многих предсказаниях батюшки, касавшихся его кончины и погребения, вселяет утешение в нас и предречение его о грядущем прославлении схимонахини Серафимы (Белоусовой): "Мы с ней в церкви оба будем лежать - она по левую сторону храма, а я по правую. И у матушки будет Иверская икона висеть, а у меня - "Млекопитательница".

По материалам сайта Свято-Ильинского мужского монастыря, г. Одесса.